

О. Ю. Астахов

**ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЛОВА
В ЭСТЕТИКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО
(на материале статьи «Магия слов»)**

В статье рассматриваются характеристики жизнетворческого содержания слова в эстетике Андрея Белого. Анализируется его статья «Магия слов», посвящённая рассмотрению символики слова как способа преобразования мира.

Ключевые слова: слово-образ, жизнетворчество, символизм, кризис культуры.

O. Yu. Astakhov

**LIFE CREATING CONTENTS OF SPEECH
IN AESTHETICS OF ANDREI BELY
(on the article “Magic Words”)**

As the fundamental basis of artistic practices and cultural philosophical constructions Andrei Bely should consider a relation to the word as a key symbol that defines the content of human life, which is most clearly demonstrated in metapoetic article “Magic Words”. In the beginning of this article, the author effectively sets the basic idea associated with unconditional approval coincidence naming the process and existence of any object and phenomena. Such a coincidence defines the ontological essence of the word, as a symbol capable of the world transformation. Living content of a word is determined by its mythological characteristics that can be supported solely by the act of creation.

Unconditionally accepting this program works, Andrei Bely serves to continuing the life creating traditions developed in Russian culture after the 1850s, when the key points should be considered V.I. Solovyov’s philosophy. Enthusiasm for his ideas leads the author to believe that the cultural crisis, a crisis of consciousness is a consequence of breach of possible manifestations building the life creating words designed not merely reflect and generate new meanings and values of culture.

Keywords: word-image, life creation, symbolism, cultural crisis.

Одним из важнейших художественных течений конца XIX – начала XX века явился русский символизм. Символизм в России, особенно активно развивающийся в 1910 году, может быть определен и как художественное направление, и как миропонимание, мировоззрение, своеобразная философия жизни. Особенно сложным переплетение этих линий было у Андрея Белого.

Считается, что теоретическая аморфность существенно затрудняет восприятие символизма как мировоззренческого направления, которое видится отчасти имплицитным, а отчасти рассеянным в ли-

тературной критике и публицистике, отдельных статьях и письмах. Однако в исканиях символистов характер нового миропонимания поддается ясному определению.

Обращаясь к творчеству Андрея Белого, следует отметить взаимосвязь его философских и художественно-эстетических исканий, что наложило отпечаток на характер исследований, посвященных изучению его наследия. В научно-исследовательской литературе творчество А. Белого оценивалось в разной степени с позиций литературоведения, эстетики, философии, культурологии. Обзор его теоретических взглядов встречается практически в каждой работе, касающейся вопросов истории русской литературы конца XIX – начала XX века.

С начала 70-х годов XX века появляются исследования, посвященные анализу литературного и философско-эстетического наследия А. Белого в контексте эстетики символизма и культуры Серебряного века (например, работы А. Л. Казина, А. В. Лаврова, Л. К. Долгополова).

С 1990-х годов происходит переиздание трудов А. Белого, появляются исследования, осмысляющие философское творчество мыслителя и его культурологические идеи (например, работы И. Э. Чистяковой, В. Пискунова и С. Пискуновой, З. Юрьевой, Р. Кейса, В. Г. Белоуса, Ю. Асояна и А. Малафеева, Л. А. Сугай, Л. Силарди и др.).

Однако при рассмотрении творчества Андрея Белого требуется интегративный подход, предполагающий синтез его художественных исканий, эстетических, философских и культурологических взглядов.

В качестве фундаментального основания художественных практик и теоретических построений следует рассматривать его отношение к слову как ключевому символу, определяющему содержание жизнедеятельности человека, что наиболее ярко продемонстрировано в метапоэтической статье «Магия слов». В начале статьи Андрей Белый фактически задает основную мысль, связанную с утверждением безусловного совпадения процесса называния и существования любого предмета и явления: «Язык – наиболее могущественное орудие творчества. Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование. Всякое познание вытекает уже из названия. Познание невозможно без слова. Процесс познания есть установление отношений между словами, которые впоследствии переносятся на предметы, соответствующие словам» [3, с. 131]. Но, прежде всего, язык связан не столько с актом познания, сколько с творчеством: «в слове дано первородное творчество; слово связывает бессловесный незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создает третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные; мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове и только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я – *слово* и только *слово*» [3, с. 131]. Таким образом, для Андрея Белого деятельной причиной подлинного творчества является само слово, которое он рассматривает как символ, способный к преобразению мира и самого «я». Именно онтологическое содержание слова создает возможность наполнения деятельности жизненными силами, поэтому автор отмечает, что «всякое слово есть заговор» [3, с. 132].

Следует различать деятельность творческую, которая обращена к живому слову, слову-образу, и деятельность аналитическую, которая обращена к отвлеченным понятиям: «сама живая речь есть непрерывная магия; удачно созданным словом я проникаю глубже в сущность явлений, нежели в процессе аналитического мышления; мышлением я различаю явление; *словом*, я подчиняю явление, покоряю его; творчество живой речи есть всегда борьба человека с враждебными стихиями, его окружающими; слово зажигает светом победы окружающий меня мрак» [3, с. 132].

Хотя автор обращает внимание и на то, что существуют нейтральные слова-термины, связанные с аналитическим мышлением и необходимые для выявления функционального содержания явлений. По этому поводу Андрей Белый в форме метафорических суждений отмечает в различных фрагментах статьи следующее: «слово-термин – прекрасный и мертвый кристалл, образованный благодаря завер-

шившемуся процессу разложения живого слова»; «идеальный термин – это вечный кристалл, получаемый только путем окончательного разложения» [3, с. 135]. Не случайно автор обращается к живописному образу кристалла, символизирующему отвлеченную красоту и порядок. Сравнение слова-термина с кристаллом обнаруживает его отвлеченное начало, которое способно фиксировать застывшие смыслы и значения.

В отличие от слова-образа и слова-термина существуют более распространенные образования, которые, по мнению Андрея Белого, способны разрушить подлинную жизнь и культуру: «другое дело зловонное слово полуобраз-полутермин, ни то, ни се – гниющая падала, прикидывающаяся живой: оно как оборотень, вкрадывается в обиход нашей жизни, чтобы ослаблять силу нашего творчества клеветой, будто это творчество есть пустое сочетание слов, чтобы ослабить силу нашего познания клеветой, будто это познание есть пустая номенклатура терминов» [3, с. 135]. Фактически Андрей Белый заявляет о кризисе, а именно о кризисе сознания, связывая его со смертью, на что указывает ряд достаточного образных характеристик: «обычное прозаическое слово, то есть слово, потерявшее звуковую и живописующую образность и еще не ставшее идеальным термином, – зловонный, разлагающийся труп»; «... вся наша жизнь полна гниющими словами, распространяющими нестерпимое зловоние; употребление этих слов заражает нас трупным ядом, потому что это слово есть прямое выражение жизни» [3, с. 135].

Противопоставление жизни и смерти становится ключевым в статье «Магия слов». Как отмечает Райнер Грюбель, для Андрея Белого кризис культуры – это смерть живого образного слова [5, с. 40]. Эсхатологические настроения, связанные со смертью культуры, были распространены в искусстве и философии конца XIX – начала XX века. Как уже отмечалось нами ранее в другой работе, «следствием кризисного мироощущения явилась внутренняя потребность русской культуры прийти в ходе своего исторического развития к целостному интегративному стилю. В свою очередь символизм в искусстве можно рассматривать как попытку создания нового интегративного стиля культуры» [2, с. 10–11].

Подобного рода интегративность стиля связана в творчестве Андрея Белого с обращением к слову-образу. В отличие от аналитического мышления творческая сила живого слова способна к преобразованию мира, и в этом преобразовании Андрей Белый отмечает значимость обращения к синтетическому, целостному мифу: «живая речь – вечно текущая, созидательная деятельность, воздвигающая перед нами ряд образов и мифов; наше сознание черпает силу и уверенность в этих образах; они – оружие, которым мы проникаем тьму» [3, с. 134]. Обращение автора к мифу в качестве живой интенции слова не является случайным. Именно мифологические характеристики слова в акте творчества порождают его бытийное содержание. Поэтому Андрей Белый утверждает, что эстетическому творчеству, связанному с утверждением живого слова, либо предшествует мифологическое творчество, и в этом случае оно выступает в качестве основы новой изобразительности, либо следует за ним как реакция на упадок культуры и всеобщий скепсис. Таким образом реализуется переход от словесной метафоры к символу и мифу: «создание словесной метафоры (символа, то есть соединение двух предметов в одном) есть цель творческого процесса; но как только достигается эта цель средствами изобразительности и символ создан, мы стоим на границе между поэтическим творчеством и творчеством мифическим» [3, с. 141].

Обращение Андрея Белого к жизнетворческому содержанию слова, способного преобразовывать мир, делает позитивную программу автора теургичной, и его эстетическая концепция становится ориентированной на этическую. В связи с этим можно говорить о продолжении развития идей Вл. Соловьева о преобразующей силе художественной реальности: «значит, требуется, чтобы настоящее искусство было *важным делом*, значит признается за истинною красотой способность глубоко и сильно воздействовать на реальный мир» [6, с. 30]. Е. Н. Горбова отмечает следующее значение жизнетворческих идей Вл. Соловьева: «По мнению философа, это означает реальное превращение физической жизни в духовную, которая обладает следующими характеристиками: содержит в себе слово или откровение, способное выражаться во вне; обладает способностью преобразовать, одухотворять материю или воплощаться в ней; пребывает в вечности, то есть свободна от материальных процессов» [4, с. 103]. Характер жизнетворчества оказывается в тесной связи с возможностью слова в познании и преобразовании мира. По образному выражению Андрея Белого, «слово – единственный реальный корабль, на котором мы

плывем от одной неизвестности в другую – среди неизвестных пространств, называемых землею, небом, эфиром, пустотой и т. д., среди неизвестных времен, называемых богами, демонами, душами» [3, с.137].

Андрей Белый отчетливо осознает свою роль продолжателя традиций жизнетворчества, развивающихся в культуре России второй половины XIX века. Эту программу творчества автор принимает безоговорочно и воплощает в течение всей своей жизни, включая и личную жизнь, дружбу и антропософские искания. В конечном итоге жизнетворческий максимализм Андрея Белого, по мнению И. А. Азизян, направлен на созидание главной культуuroобразующей единицы – личности, и в этой связи нельзя не отметить роль влияния на автора учения Штейнера о человеческой индивидуальности (см. [1, с. 64]). Развитие возможно при условии творения своего «я».

Статья «Магия слов» завершается некоторым намеком на идеи Данилевского, связанные с указанием на «молодость» культуры. Культура в своем развитии, как и живой организм, проходит стадию молодости, за которой неизбежно приходит расцвет: «игра словами – признак молодости; из-под пыли обломков разваливающейся культуры мы призываем и заклинаем звуками слов. Мы знаем, что это – единственное наследство, которое пригодится детям.

Наши дети выкуют из светящихся слов новый символ веры; кризис познания покажется им лишь только смертью старых слов. Человечество живо, пока существует поэзия языка; поэзия языка жива.

Мы – живы» [3, с.142].

Статья завершается фактически гимном жизни. Культура существует, живет, развивается пока в ней есть слово-образ, отражающее и закрепляющее ее бытийное состояние, что оказывается возможным благодаря эстетическому содержанию (музыкальность, живописность), которое, в свою очередь, должно быть нацелено на мифологичность. А кризис культуры, который понимается в контексте оппозиции смерти и жизни, это есть утрата слова, что приводит к пустоте, бессмысленности, безличности.

Литература

1. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
2. Астахов О. Ю. Эстетика импрессионизма в поэзии русских символистов (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 122 с.
3. Белый А. Магия слов // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 131–142.
4. Горбова Е. Н. Динамика трактовки культуротворческих идей в художественной жизни России 1920–1930-х годов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23 – С. 101–106.
5. Грюбель Р. Два кризиса культуры – Андрей Белый и Михаил Бахтин // Кризисы культуры и авторы на границе эпох в литературе и философии: сб. ст. – СПб.: Петрополис, 2013. – С. 35–56.
6. Соловьев В. С. Красота в природе // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 30–73.

Literatura

1. Azizjan I. A. Dialog iskusstv Serebrjanogo veka. – M.: Progress-Tradicija, 2001. – 400 s.
2. Astahov O. Ju. Estetika impresionizma v poezii russkih simbolistov (V. Ja. Brjusov, K. D. Bal'mont, I. F. Annenskij). – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. – 122 s.
3. Belyj A. Magijaslov // Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie. – M.: Respublika, 1994. – S. 131–142.
4. Gorbova E. N. Dinamika traktovki kul'turotvorcheskikh idej v hudozhestvennoj zhizni Rossii 1920–1930-h godov // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 23 – S. 101–106.
5. Grjubel' R. Dva krizisa kul'tury – Andrej Belyj i Mihail Bahtin // Krizisy kul'tury i avtory na granice epoch v literature i filosofii: sb. st. – SPb.: Petropolis, 2013. – S. 35–56.
6. Solov'ev V. S. Krasota v prirode // Solov'ev V. S. Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika. – M.: Iskusstvo, 1991. – S. 30–73.